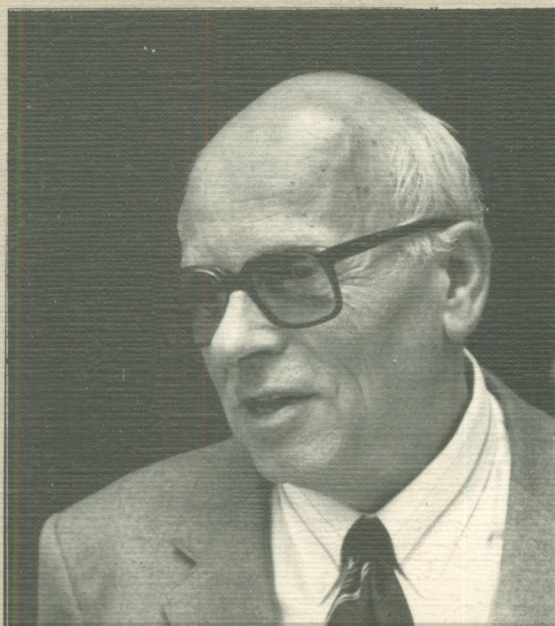

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная 73-й годовщине
со дня рождения
А.Д.САХАРОВА

Слово о А. Д. Сахарове

Боннэр Е.Г.	Осипов Ю.С.
Карякин Ю.Ф.	Приставкин А.И.
Ковалев С.А.	Степашин С.В.
Козырев А.В.	Филатов С.А.
Микитаев А.К.	Яковлев А.Н.

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная 73-й годовщине
со дня рождения
А.Д. САХАРОВА**

21 мая 1994 года

Москва
“ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА”
1994

67
Н34

Н34 **Научно-практическая конференция, посвященная 73-й годовщине со дня рождения А.Д. Сахарова. 21 мая 1994 года. — М.: Юрид. лит., 1994. — 48 с.**

Н **1202000000 – 043** без объявл.
 012(01) – 94

67

ISBN 5-7260-0740-9

©Издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации, 1994

**Участникам научно-практической конференции,
посвященной памяти академика
А. Д. САХАРОВА**

Сегодня демократическая общественность всего мира отмечает 73-ю годовщину со дня рождения великого сына России Андрея Дмитриевича Сахарова.

Выдающийся ученый, мыслитель, высоконравственный человек и непоколебимый демократ, он почти в одиночку поднял свой голос против гонки вооружений, преступлений тоталитарного режима и в защиту прав человека. Никакие гонения властей не могли заставить его отказаться от этой, добровольно возложенной на себя тяжелой, но благородной миссии, отречься от своих убеждений.

С особым чувством вспоминаю время, когда сошлись наши с Андреем Дмитриевичем политические дороги. Это был 1989 год, тогда академик Сахаров сделал нелегкий для себя выбор, согласившись баллотироваться в народные депутаты СССР от Академии наук. Именно тогда он решил непосредственно посвятить себя радикальному преобразованию нашего общества. Близкое общение с Андреем Дмитриевичем на I Съезде народных депутатов СССР при создании Межрегиональной группы позволило мне узнать и глубоко понять политические идеи Сахарова, основанные на его убеждении, что нравственные решения являются наиболее правильными.

Андрей Дмитриевич, наверное, мог считать себя счастливым человеком, потому что короткий всплеск его государственной деятельности совпал с романтическим временем рождения новой эпохи, новой демократической России. С тех пор много воды утекло. Жизнь оказалась и более сложной, и более жесткой,

чем думалось тогда. Но по-прежнему нам очень не хватает академика Сахарова. Не хватает его нравственного авторитета, его ума и силы духа, на которые можно было опереться в моменты крутых поворотов и тяжелых, ответственных решений.

В связи с этим особенно радуется открытие в Москве Сахаровского архива. В результате большой, кропотливой работы Елены Георгиевны Боннэр, соратников Андрея Дмитриевича приведены в порядок его бумаги и документы, создана база для осмысления научного и духовного наследия, оставленного нашим великим современником. Это гарантия того, что идеи, заложенные им в политическую и духовную жизнь страны, еще долго будут оказывать свое благотворное влияние. Открытие архива позволит ученым всего мира лучше понять, каким был академик Андрей Дмитриевич Сахаров.

Благодарная память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

Президент Российской Федерации

Б. ЕЛЬЦИН

21 мая 1994 года

Председательствует **ФИЛАТОВ С.А.**, Руководитель Администрации Президента Российской Федерации.

ФИЛАТОВ С.А.: Дорогая Елена Георгиевна! Уважаемые участники научно-практической конференции, друзья и гости!

Позвольте прежде всего зачитать приветственное послание Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина участникам научно-практической конференции, посвященной годовщине рождения Андрея Дмитриевича Сахарова. (*Зачитывает текст послания.*) (А п л о д и с м е н т ы.)

Я имею еще одно поручение Бориса Николаевича. Прежде чем начать саму научно-практическую конференцию, я хотел бы выполнить это поручение. В связи с открытием архива Андрея Дмитриевича Сахарова из президентского архива изъяты документы, которые касаются Андрея Дмитриевича. На многих из них, тем они и драгоценны, имеются его пометки, некоторые документы написаны его рукой. По поручению Бориса Николаевича этот бесценный дар я вручаю Елене Георгиевне Боннэр. (А п л о д и с м е н т ы.)

БОННЭР Е.Г.: Спасибо. Думаю, что потом, в конце научно-практической конференции, я смогу подробнее сказать об этом.

ФИЛАТОВ С.А.: Дорогие друзья! Позвольте предварить нашу научно-практическую конференцию несколькими вступительными словами.

Андрей Дмитриевич олицетворяет собой уникальное явление природы и проявление человеческого духа, над которыми время не властно. К великому сожалению, его нет сегодня с нами. Но здесь, в этом зале, собрались те, кто

считает себя учениками Андрея Дмитриевича, кто нашел в себе мужество пройти путь от покаяния к созиданию гражданского общества, кто взял на себя тяжкую обязанность реализовать многое из того, о чем Андрею Дмитриевичу мечталось.

Здесь присутствуют члены комиссий при Президенте по вопросам гражданства, по вопросам помилования, по правам человека, по реабилитации жертв политических репрессий. В этом зале собрались соратники Андрея Дмитриевича, его коллеги по работе, ученые. Здесь присутствуют те, кто не только умом, но и сердцем воспринимает мысли, идеи и чувства Андрея Дмитриевича, кто преклоняется перед его научным и гражданским подвигом.

К Андрею Дмитриевичу более чем к кому бы то ни было другому применимы слова великого французского философа-просветителя Дени Дидро: “Знание того, какими вещи должны быть, характеризует человека умного, знание того, каковы вещи на самом деле, характеризует человека опытного, знание же того, как их изменить к лучшему, характеризует человека гениального”. Андрей Дмитриевич знал, как изменить к лучшему мир, в котором нам выпало жить, знал и то, что, чтобы изменить этот мир к лучшему, необходимо в первую очередь изменить к лучшему общество, так как именно общество способно изменить к лучшему человека.

Андрей Дмитриевич был величайшим патриотом России. В его воспоминаниях содержатся десятки страниц, отражающих как в зеркале облик деликатнейшего человека, который скромнее других радуется радостям своей страны и острее других переживает ее поражения, несправедливости по отношению к собственному народу, наши собственные ошибки. Пресловутому моральному кодексу строителя коммунизма Андрей Дмитриевич противопоставил кодекс совести, причем совести не в расхожем значении этого слова, а в его христианском значении.

Известно, что во времена, подготовившие появление первых христиан, законники Израиля, которых Иисус Христос называл книжниками и фарисеями, разделились на две партии, названные по именам своих лидеров — раввинов

Гелеля и Шама. Однажды к Шамаю пришел язычник и пообещал стать прозелитом, если тот научит его всему закону, стоя на одной ноге. Шамай рассердился и выгнал язычника прочь. Тогда язычник пошел к Гелелю и обратился к нему с той же просьбой. Гелель любезно принял гостя, встал на одну ногу и сказал: “Не делай ближнему твоему того, чего не желаешь себе”. Это и есть весь закон, прочее — только объяснение. “Иди и исполняй”. Эти слова перекликаются с заповедью Иисуса Христа: “Во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки”. Андрей Дмитриевич поступал с людьми так, как хотел, чтобы и люди с ним поступали, как поступали бы по отношению друг к другу. Его не понимали, его гнали и преследовали. Участь очень многих пророков — его лишали званий и наград, наверняка лишили бы и последнего звания академика, если бы не его коллеги. Это они мужественно выступили против исключения Сахарова из Академии наук.

Совокупность таких поступков от человека к людям и от людей к человеку была для Андрея Дмитриевича нормой поведения. Этот опыт необходимо изучать, как изучаются точные науки.

Видимо, поэтому Андрей Дмитриевич обратился к написанию воспоминаний, посвятив им долгие годы работы. Ему было важно не просто рассеять мифы о себе, не просто удовлетворить интерес к его личности, интерес, как он пишет в предисловии, порождающий неточности со стороны даже близких ему людей. Андрей Дмитриевич считал мемуарную литературу важной частью общечеловеческой памяти. Мы обязаны беречь и приумножать эту общечеловеческую память и не столько даже ради себя, сколько ради тех поколений, которые придут после нас. Мы находимся лишь в начале долгого пути к гражданскому обществу, о котором мечтал Андрей Дмитриевич, к которому звал нас, намечая вехи пути к нему.

Не его вина, а наша общая беда, что Андрея Дмитриевича нет сегодня с нами, что сердце его перестало биться от сострадания и возмущения. Всем нам остро недостает сегодня Сахарова — ученого, Сахарова — правозащитника, Сахарова

— человека. Вместе с ним и рядом с ним мы, вероятно, достигли бы более осязаемых успехов, а ошибок совершили бы меньше. Вместе с ним мы бы доходчивее донесли до людей то, что восемьдесят лет живем в обществе, находящемся в состоянии гражданской войны, что мы особо ответственны перед будущими поколениями, что люди должны осознать необходимость жить в согласии, не проливать кровь друг друга.

Андрею Дмитриевичу принадлежат слова: “Всем русским гражданам без различия пола, происхождения, вероисповедания и национальности должны быть гарантированы права неприкосновенности личности, жилища, свобода слова, печати, вероисповедания, свобода передвижения, собрания, союза, кстати, и равноправность всех национальных языков”. Сегодня можно с гордостью сказать, что эти положения есть в новой Российской Конституции, одобренной народом.

Андрей Дмитриевич обращался не только к нам — своим соотечественникам, но и ко всем другим народам, ко всем руководителям государств мира, когда писал: “Я считаю сейчас, что наступило время, когда равновесие взаимного ядерного устрашения должно смениться сначала равновесием обычных вооружений, а затем, в идеальном случае, равновесием, созданным далеко идущими политическими решениями и компромиссами”.

Во всем двадцатом столетии мало найдется людей, которые могли бы сказать о себе: я принадлежу своему народу, и потому я принадлежу всему человечеству. Конечно, Андрей Дмитриевич никогда ничего подобного о себе не говорил. Для этого он был слишком скромен и слишком интеллигентен. В то же время он был слишком велик, чтобы мы не считали себя вправе сказать об этом сегодня. Да, Андрей Дмитриевич, будучи сыном России, в то же время принадлежит всему человечеству, как народ России неотделим от других народов, составляющих в совокупности человечество.

Народ, дающий миру хотя бы раз в столетие таких гениев, как Андрей Дмитриевич Сахаров, — великий народ. У такого народа есть не только великое прошлое. Такой народ не может не иметь великого будущего. Ради приближения этого вели-

кого будущего жил, работал и страдал Сахаров. Свою ношу страданий Андрей Дмитриевич достойно пронес через всю свою жизнь.

Россиянам сегодня приходится нелегко. Но народ России, как показывает весь опыт нашей истории, умеет достойно вынести все, что Господь ниспошлет. Тем большая ответственность лежит на нас, на людях, кому выпало сегодня осуществить то, о чем мечтал Андрей Дмитриевич Сахаров. Мы не просто должны — мы обязаны энергично завершить начатые общественно-политические, экономические и социальные реформы с минимальными потерями для каждого гражданина нашей страны. Да помогут нам выполнить эту нелегкую миссию опыт Сахарова, мысли Сахарова, идеи Сахарова и чувства Сахарова. Тогда у России поубавится страданий и станет больше радостей.

Надеюсь, свой вклад в это благороднейшее дело внесет и наша сегодняшняя научно-практическая конференция. Спасибо за внимание. (А п л о д и с м е н т ы .)

ФИЛАТОВ С.А. Слово предоставляется Юрию Сергеевичу Осипову — академику, президенту Российской академии наук.

ОСИПОВ Ю.С.: Уважаемая Елена Георгиевна! Уважаемые друзья, коллеги! Для меня большая честь быть в эти часы здесь, в этом зале. Хочу поблагодарить Вас, Елена Георгиевна, и организаторов этих торжеств за эту привилегию.

Имя академика Андрея Дмитриевича Сахарова во всем мире является символом самых высоких научных стандартов, гражданственности и гуманизма. Я думаю, что в истории мировой науки можно назвать не много имен ученых, чья научная и общественная деятельность могла бы сравниться с деятельностью Андрея Дмитриевича по своему влиянию на судьбы нашей цивилизации, особенно на облик современного мира.

Творчество Андрея Дмитриевича всегда отличалось своеобразием, глубиной, оригинальностью идей. Не важно, о чем шла речь — о термоядерном синтезе, о теории элементарных частиц, о безопасности ядерной энергетики или о проблемах прав человека, о сохранении мира, о

прогрессе. Я думаю, вы согласитесь с тем, что многим из нас он преподал великий урок мужества и стойкости, отстаивая очень последовательно свои взгляды, свое мировоззрение.

Очень важно, что в эти дни был открыт архив Андрея Дмитриевича Сахарова. Я думаю, цель архива не только в том, чтобы собрать, сохранить, систематизировать все документы, все вещи, связанные с жизнью нашего великого соотечественника. Я думаю, этот архив станет хорошей основой для изучения творческого, интеллектуального наследия Андрея Дмитриевича. Вы знаете, что после кончины Андрея Дмитриевича было несколько неплохих выступлений и публикаций, правильно, тонко, очень взвешенно отражающих роль этого великого человека в нашей жизни. Но вы также согласитесь с тем, что многое, конечно, осталось за кадром. Я думаю, архив будет способствовать дальнейшей работе в этом направлении.

Андрей Дмитриевич Сахаров был иностранным членом самых престижных академий мира, научных обществ, почетным доктором многих университетов. Медаль Андрею Дмитриевичу, свою высшую награду, присудило чешское Общество математиков и физиков, Общество, которое существует более 130 лет. К сожалению, Андрей Дмитриевич не смог сам получить эту награду. Меня мои чешские коллеги просили передать эту награду Елене Георгиевне, что я и делаю с очень большим удовольствием. (А п л о д и с м е н т ы .)

БОННЭР Е.Г.: Очень красивая медаль.

ОСИПОВ Ю.С.: Елена Георгиевна, это Диплом. А это описание медали и прав человека, получившего медаль.

БОННЭР Е.Г.: Спасибо. (А п л о д и с м е н т ы .)

ФИЛАТОВ С.А.: Слово предоставляется Сергею Адамовичу Ковалеву — председателю Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, Уполномоченному по правам человека Российской Федерации.

КОВАЛЕВ С.А.: Уважаемые коллеги!

Более четверти века назад Андрей Дмитриевич Сахаров убедительно доказал, что обеспечение прав личности — ключевое условие сохранения мира на планете. Андрей Дмитриевич стал признанным лидером борьбы за мировой правопорядок, при котором права человека будут соблюдаться в полном объеме. Сегодня нам следует понять, насколько Россия продвинулась в этом направлении.

Несомненно, мы далеко ушли не только от декабря 1986 года, когда Сахаров был возвращен из горьковской ссылки, но и от декабря 1989 года — даты его смерти. Мы живем в стране, где принята новая Конституция, провозгласившая права человека основой правовой системы вообще, где заложены законодательные основы политической свободы и верховенства права, в стране, где демократические завоевания народа удалось отстоять от попыток вооруженного реванша, где стало нормой свободное слово и где наконец-то намечаются тенденции к общественному согласию и примирению.

Но период провозглашений и деклараций кончился. Наше сегодняшнее заседание вполне в духе Андрея Дмитриевича носит не торжественно-юбилейный, а проблемный и деловой характер. В своем докладе я хотел передать вам ту озабоченность, которую вызывает уровень реальной обеспеченности прав человека в России, а еще больше — тревогу за будущее этих прав. Их атакуют с самых разных сторон. Это, во-первых, вышедшие на политическую авансцену ультранационалисты и откровенные фашисты, чья идеология принципиально несовместима ни со свободой, ни с демократией, ни с правами человека. Во-вторых, это своекорыстное и коррумпированное чиновничество понимает, что верховенство права неизбежно лишит его рычагов власти и источников обогащения. И, наконец, третья категория. Это так называемые прагматики — государственные мужи на всех уровнях, искренне, быть может, полагающие, что права человека — это бирюльки, пустой лозунг, вовсе не имеющий отношения к реальным нуждам страны.

Все эти разноуровневые и разнонаправленные социально-политические силы схожи в одном — они не склонны действо-

вать в рамках закона, основанного на принципах демократии и свободы. Не прекращаются попытки под разными предложениями, в том числе и под предлогом защиты демократии, свести на нет существующие в стране демократические правовые механизмы и не допустить создания новых. Если эти тенденции получают развитие, то вскоре Россия может незаметно сползти в старое болото или, чего доброго, угодить в новое.

В настоящее время наша Комиссия подготовила обширный доклад о положении в области прав человека в России. На днях он будет направлен Президенту. Я хотел бы кратко ознакомить вас с основными тезисами и выводами проблемной части доклада.

Первое. Неблагополучие с соблюдением прав человека в социальной сфере. Причины многочисленных нарушений здесь можно разделить на две группы: те, которые вытекают из правовой незащищенности личности, и те, что связаны с прямым пренебрежением государственных органов и должностных лиц к закону.

Позволю себе небольшой комментарий: оба эти фактора действуют в одном направлении. Они утверждают всевластие и безнаказанность чиновника и, соответственно, бессилие граждан перед лицом произвола. Было бы наивным считать, что это положение — результат злой воли отдельных администраторов. Оно отражает коллективное стремление аппаратного чиновничества к полновластию.

Практически не продвигается работа по приведению законодательства в соответствие с нормами новой Конституции, отмене устаревших законов и принятию новых. Продолжается практика издания ведомствами и другими органами власти закрытых нормативных актов, в том числе затрагивающих права и свободы граждан.

Второе. Нарушения в сфере трудовых правоотношений. Здесь имеет место целый спектр нарушений прав человека: от грубого несоблюдения сроков выплаты зарплаты до фактической дискриминации некоторых категорий работников, в том числе женщин и инвалидов.

Разумеется, основной причиной нарушения прав граждан в сфере трудовых взаимоотношений является экономиче-

ский кризис. Однако это не снимает с государства ответственности за скрупулезное, “мелочное”, если можно так выразиться, соблюдение международно признанных норм.

Только реальное обеспечение и реальная защита прав трудящихся, а вовсе не популистская демагогия, могут стать основой социальной справедливости и общественного согласия в России. Например, распространение механизма Закона о банкротстве (в форме санации, т.е. смены руководства) на предприятие, злостно нарушающее свои обязательства перед работниками по выплате им зарплаты, дало бы людям наемного труда гораздо больше, чем все декларации о недопущении снижения жизненного уровня, вместе взятые.

Третье. Положение с правами человека в так называемых “закрытых” структурах. Имеется в виду, в первую очередь, армия и тюрьма. Ужасающая ситуация в этих сферах широко известна и неоднократно обсуждалась в печати. Поэтому отмечу лишь, что совокупность социальных, экономических и правовых причин привела к тому, что небоевые потери в наших Вооруженных Силах приобрели масштаб, подобного которому не знает ни одна армия мира. Что уж говорить о нарушениях прав человека, повлекших за собой гибель или травматизм у военнослужащих. Дело усугубляется еще и тем, что данные на эту тему до сих пор остаются засекреченными.

Особо нужно сказать о положении с альтернативной воинской службой. Отсутствие закона, регламентирующего осуществление этого конституционного права граждан, создает беспрецедентные судебные коллизии. В какое положение поставлены судьи, которые должны решать, кого следует считать, согласно Конституции, освобожденным от действительной воинской службы, а кого, согласно Уголовному кодексу, наказывать лишением свободы? Ответственность за судьбы молодых людей, попавших в эту “слепую зону” закона, целиком лежит на законодательной власти.

Четвертое. Места заключения. Положение здесь немного улучшилось после изменения исправительно-трудового законодательства в июне 1992 года. Однако фактическое положение дел в пенитенциарных учреждениях еще далеко от общепризнанных международных норм и просто от норм

нравственности. Гулаговские традиции произвола, неоправданного насилия, жестокого обращения с заключенными отнюдь не изжиты.

Особенно тяжелая обстановка сложилась в местах предварительного заключения. Люди, юридически не виновные, годами содержатся там в условиях, намного худших, чем в местах отбывания наказания. Упомянутая выше либерализация пенитенциарной системы почти не коснулась следственных тюрем: неоправданно широкое применение взятия под стражу подследственных и неоправданно длительные сроки предварительного заключения, разрешенные действующим законодательством, усугубляют положение.

Справедливости ради следует отметить, что руководство МВД и его Главного управления исполнения наказаний хорошо понимает озабоченность общества и проявляет редкую для ведомственной структуры готовность к конструктивному сотрудничеству. Но слишком многое упирается в экономические и кадровые проблемы, в несовершенство законодательства, в негативные тенденции правоохранительной практики.

Пятое. Проблема беженцев и вынужденных переселенцев. Эта проблема сама по себе возникает в основном из-за массовых нарушений прав человека, национальной, религиозной и прочей дискриминации в некоторых регионах России и ближнего зарубежья.

Я не буду говорить о том, что делается и уже сделано в этом плане. На самом деле сделано немало: законы, принятые в феврале 1993 года, специальные республиканские программы, обеспеченные бюджетными ассигнованиями. Но тема моего выступления заставляет сосредоточиться на другом — на сознательном и бесцеремонном нарушении прав беженцев и переселенцев, демонстративном пренебрежении российским законодательством, игнорировании Конституции, которые позволяют себе высшие должностные лица некоторых регионов и даже Правительство России. Особенно отличается в этом правительство Москвы, воспользовавшееся режимом чрезвычайного положения в городе в октябре прошлого года, чтобы издать целый ряд постановлений и распоряжений, грубо нарушающих права беженцев и переселенцев. Москов-

ские власти инициировали и аналогичное постановление Правительства России от 13 октября. Все эти постановления, распоряжения и инструкции не были отменены ни после прекращения чрезвычайного положения, ни даже после принятия новой Конституции. Не отменены они и по сей день. Обо всем этом также немало писалось. Отмечу лишь, что, помимо всего прочего, был создан опаснейший прецедент безнаказанного пренебрежения российскими законами со стороны региональных властей.

Демонстративно пренебрежительное отношение высоких должностных лиц исполнительной власти к федеральному законодательству прослеживается и на другом примере — открытом саботаже нового закона, отменившего с 1 октября прошлого года разрешительный порядок прописки граждан. Еще до этого срока мэр Москвы публично заявил, что не собирается его выполнять. Столичную инициативу подхватили в других регионах страны, и в результате новый закон фактически нигде не действует. А ведь речь идет об одном из фундаментальных прав человека — праве на свободный выбор места жительства. Более того, власти Москвы и Санкт-Петербурга, некоторых других регионов ввели новые правила, ограничивающие свободу передвижения даже по сравнению с теми нормами, которые действовали до 1 октября. Я не думаю, что Юрию Михайловичу Лужкову нравится нарушать права человека. Просто в сознании так называемых прагматиков данная правовая категория вовсе не присутствует. Они искренне уверены, что таким образом борются с преступностью и обеспечивают безопасность граждан. А чего доброго, верят и в то, что защищают демократию.

Худо и то, что правоохранительные ведомства относятся к посягательствам на права человека в лучшем случае равнодушно. Приведу два примера, относящиеся к периоду действия чрезвычайного положения в Москве. Я сознательно не говорю о них подробно, ибо факты многократно отмечались в печати, да и отношение к ним нашей Комиссии общеизвестно.

Первый — это массовое неоправданное грубое насилие, допускаявшееся силовыми структурами при осуществлении режима чрезвычайного положения. Мы совместно с МИДом

обратились по этому поводу к Президенту. Президент согласился с нами и дал прямое поручение Генеральному прокурору Казаннику. Это поручение Прокуратура России практически полностью проигнорировала: почти во всех случаях, связанных с насильственными смертями, избиениями, незаконными задержаниями и тому подобным, следовал либо отказ в возбуждении уголовного дела, либо это дело прекращалось на стадии предварительного следствия. И уж вовсе не слышал я об инициативных расследованиях, предпринятых в этой связи Генеральным прокурором или кем-то из его сотрудников.

Второй пример — это высылка десяти тысяч иногородних граждан, предпринятая столичными властями в дни чрезвычайного положения. Относительно этой акции были веские основания предполагать, что она имела черты этнической чистки. Об этом также шла речь в нашем с Козыревым обращении к Президенту, и поручение Президента Казаннику касалось и расследования обстоятельств высылки. И вновь никакой реакции Прокуратуры.

Игнорирование прав и свобод граждан России остается большим местом не только в административной практике, но и в законодательной сфере. Новейший пример — законопроекты, подготовленные недавно думским Комитетом по безопасности и одобренные в первом чтении. Авторы этих документов допускают возможность допрашивать свидетеля или потерпевшего в уголовном процессе вне стен судебного заседания и без участия всех процессуальных сторон. Полученные таким образом показания будет разрешено оглашать в суде, не называя имени свидетеля. Как заочно подвергнуть такого свидетеля перекрестному допросу? Как оценить доказательную силу его анонимных показаний? Понятно, что таким образом предполагается обеспечить безопасность честных граждан, оградить их от мести преступников. Но авторы закона не понимают, что они подвергают граждан куда большей опасности — жить в стране, где вовсе отсутствует правосудие. Они думают, что изобрели что-то новое. Ничего подобного — аналогичные нормы давным-давно применялись святейшей инквизицией.

Конечно, правоохранительным ведомствам куда проще бороться с преступностью, реанимируя в стране феодальный институт прописки или принципы инквизиционного процесса, чем пытаться обеспечить эффективность своей работы в новых для них условиях свободного и демократического правопорядка. Конечно, куда удобнее ловить брюнетов, а не бандитов. Однако, уверяю вас, путь, при котором мы не столько создаем неудобства преступникам, сколько обеспечиваем комфортность ведомственным аппаратам, не приведет и не может привести к реальному снижению преступности в стране.

Наступление на права и свободы граждан сопровождается попытками ограничить гласность и свободу слова. Я не буду говорить о наиболее вопиющих случаях, таких, как позорное дело В. Мирзаянова. Я не буду говорить и о продолжающихся покушениях на независимость средств массовой информации. Эти тенденции не новы, ими был славен еще хасбулатовский Верховный Совет. Однако я надеюсь, что четвертая власть сумеет за себя постоять. Хуже обстоит дело с другим непременным атрибутом демократии — публичностью работы аппаратных структур. В последнее время отчетливо просматривается тенденция аппаратов максимально закрыть свою деятельность. Это проявляется в неоправданном засекречивании данных, в ужесточении бюрократических правил доступа к информации, в отказе от контактов с прессой и многих других мелких, но симптоматичных деталях. Это касается и ведомств, и Правительства, и работы Федерального Собрания, и аппарата Администрации Президента, и аппаратов местной власти.

Исподволь, шаг за шагом идет аппаратное наступление на гласность. Поэтому одной из наших приоритетных задач по-прежнему остается защита принципов публичности, свободы информации, свободы печати. Связь этих принципов с правами человека подчеркивал во всех своих работах Сахаров. Эта связь подтверждена четвертьвековым опытом правозащитного движения в нашей стране.

Перед нами встает задача создания целостной системы государственной защиты прав человека.

Наша Комиссия является одним из первых звеньев этой

системы. Другим важнейшим механизмом станет служба российского Уполномоченного по правам человека — вариант известного за рубежом института. Проект закона о такой службе уже подготовлен Комиссией и сейчас находится на стадии обсуждения в думских комитетах.

Сама Государственная Дума, несмотря на всю неподготовленность и внутреннюю разобщенность, должна найти в себе силы проделать ту огромную работу, которая необходима для приведения всего российского законодательства в соответствие с нормами Конституции.

Кажется, подходит к концу затянувшаяся пауза в деятельности Конституционного Суда, потенциальную роль которого в этой будущей работе трудно переоценить. Будем надеяться, что на сей раз он сможет более эффективно выполнять свои функции.

Президент Российской Федерации, согласно Конституции, является гарантом прав и свобод граждан. Одной из приоритетных задач нашей Комиссии является обеспечение Президента необходимой информацией о положении с правами человека в России. Я уже изложил вам основное содержание доклада, который будет направлен Президенту. На наш взгляд, такой доклад должен стать ежегодным и обязательно публиковаться в официальной печати.

Наконец, чрезвычайно важно наличие единого плана действий в сфере защиты прав человека. Мы надеемся, что таким планом станет Национальная программа по правам человека, над которой мы совместно с МИДом сейчас работаем по поручению Президента.

Новая правовая ситуация, возникшая в России с принятием Конституции и началом относительной политической стабилизации, предполагает и новый спрос к уровню соблюдения прав человека. Это счет, который общество вправе выставить нам, представителям структур, призванных обеспечить государственную защиту прав личности. А мы, со своей стороны, должны настойчиво требовать соблюдения этих прав всеми властями.

Конечно, основной импульс к соблюдению прав человека должен исходить от самого общества. К сожалению, ростки

гражданского общества медленно и с трудом прививаются на российской почве. Этому мешают стереотипы общественного сознания, берущие начало в нашей истории. Главным из этих стереотипов остается неосознанный или полуосознанный патернализм. Общество привыкло к тому, что все — и доброе, и дурное — даруется ему сверху. Это, в частности, относится и к правам человека, которые до сих пор не осознаются в России как неотъемлемые. Психология дарованных прав остается частью общественного сознания, в том числе и самосознания власти. Власть ведь тоже должна понять, что она никому ничего не дарует. Ее обязанность — самоограничение. Ровно настолько, насколько этого требуют постулированные законом права личности. Для того чтобы эти международно признанные аксиомы права стали частью общественного сознания, необходима длительная и кропотливая работа правозащитных организаций как в области правового просвещения, так и в области практической деятельности. Увы, патернализм в неявном виде присутствует и в правозащитных концепциях многих общественных организаций — при всем моем уважении к той громадной работе, которую делают эти организации.

Я хотел бы закончить свое выступление следующим. Политическая, экономическая, социальная атмосфера в стране не позволяет надеяться на серьезный прорыв к правовому идеалу в ближайшее время. Но один из принципов, которым в течение десятилетий руководствовались участники движения в защиту прав человека в нашей стране, можно было бы сформулировать следующим образом: никогда не спрашивай себя, насколько успешны будут твои усилия. Спрашивай только, что ты должен делать. Этим принципом были проникнуты жизнь и поступки Андрея Дмитриевича Сахарова. Мне кажется, что этот принцип не устарел и сегодня. Благодарю за внимание. (А п л о д и с м е н т ы .)

ФИЛАТОВ С.А.: Слово предоставляется Андрею Владимировичу Козыреву — Министру иностранных дел Российской Федерации.

КОЗЫРЕВ А.В. : Спасибо. Уважаемая Елена Георгиевна, разрешите выразить Вам глубочайшее уважение и попросить

прощения у аудитории, что я выступаю в числе первых и, главное, сразу после Сергея Адамовича. Вообще ученику не положено выступать сразу за учителем, но дело в том, что я вынужден уйти буквально через десять минут. Поскольку много хороших слов было сказано, я бы хотел последовать примеру и призыву Сергея Адамовича Ковалева. Но прежде я хотел бы обратиться с просьбой к прессе, чтобы те действительно деловые, существенные и чрезвычайно тревожные моменты, которые прозвучали в его докладе, не ускользнули за всеми остальными юбилейными и торжественными аспектами нашей сегодняшней научно-практической конференции. Дела, которые меня вынуждают покинуть наше сегодняшнее собрание, тоже заставляют задуматься. Это — Крым и это — Югославия. Две международные проблемы, по которым так нужен был бы сегодня совет Андрея Дмитриевича Сахарова и в подходе к которым, я думаю, мы и наше российское общество должны обратиться к своей совести и к Сахарову и сделать все, чтобы в Крыму не повторилась та драма, которую мы наблюдаем сейчас в бывшей Югославии. А начиналось все с крайних требований: с одной стороны — суверенитета, хотя суверенитет Республики Крым никто не оспаривает и это закреплено в Конституциях Украины и Крыма, а с другой — государственной целостности и державности, хотя и присутствия Республики Крым в составе Украины тоже вроде бы сегодня никто не оспаривает. Значит, наверное, не хватает нам всем — я говорю прежде всего про себя, я не критикую наших соседей, критиковать легче всего — выдержки, не хватает того, о чем говорил сейчас Сергей Адамович Ковалев, — понимания, что силовыми методами ничего не решается в таких случаях. Только не встать на путь военных угроз и милитаристской логики, не начать доказывать, кто из нас более крутой мужик — русский или украинский, россиянин, или украинец, или крымчанин. Вот самое главное, вот голос, который, я думаю, сегодня должен был бы прозвучать очень и очень сильно от нашего собрания и, надеюсь, от всех тех, кто и на Украине, да и во всем мире считает Андрея Дмитриевича своим гражданином и, если хотите, пророком. Эти несколько слов я хотел сказать в

дополнение к тому, что говорил Сергей Адамович. Конечно, мне бы хотелось, чтобы наш голос, голос общественности, правозащитной общественности, сегодня звучал не менее громко и настойчиво, чем в годы существования Советского Союза. Это касается и наших собственных дел, в частности защиты прав национальных меньшинств, отпора агрессивному национализму. Мы должны поклониться Андрею Дмитриевичу за то, что он сломал главный стереотип, заключающийся в том, что за права человека борются где-то за рубежом, а не у нас. Слава Богу, теперь весь мир знает, что в России права человека не менее значимы, чем в любом другом государстве. Поэтому, когда говорят: “Россия и Сахаров”, — я всегда очень за это благодарен. Спасибо. (А п л о д и с м е н т ы .)

ФИЛАТОВ С.А.: Слово предоставляется Анатолию Игнатьевичу Приставкину — писателю, председателю Комиссии по вопросам помилования при Президенте Российской Федерации.

ПРИСТАВКИН А.И.: Наша конференция научно-практическая, но мои мысли вслух не столько научные, сколько практические. А практика эта горькая — работа Комиссии по помилованию. Об этом и будет мое нелегкое выступление. Полагаю, что в день, посвященный Андрею Дмитриевичу Сахарову, лучше говорить не столько о нем, сколько о нашей жизни без него, но которая может измеряться лишь нравственным и личным подвигом таких людей, как он, прошедших ради нас свой крестный путь на Голгофу весь до последнего шажка. Этот путь к свету, к небу, к Богу проходил через погружение в открытый им же термоядерный ад. Но тем выше, чище и яростнее были необыкновенная сила любви к людям, сострадание и жалость ко всем угнетенным и униженным, к самым закоренелым преступникам, приговоренным к смертной казни.

“Государство в лице своих функционеров, — писал он, — которое подобно всем людям подвержено влияниям, связям, предрассудкам, эгоцентристским мотивациям в поведении, присваивает себе право на совершение самого ужасного

и непоправимого акта — лишать жизни. Такое государство не может ожидать улучшения моральной атмосферы в стране. Я отвергаю идею о том, что смертная казнь оказывает сколько-нибудь существенное и сдерживающее воздействие на потенциальных преступников. Я убежден, что истиной является противоположное, дикость порождает только дикость”. Это слова Сахарова.

Достаточно добавить, что эти слова произнес внук того самого Сахарова Ивана Николаевича, выборщика во вторую Государственную Думу, который был составителем сборника еще в начале века. Сборник так и назывался “Против смертной казни”.

В те же времена был разработан проект закона об отмене смертной казни, принятый единогласно депутатами первой Думы. И не их вина, что он не стал нормой российской жизни. Это еще в начале века. Полагаю, что нынешняя Дума такой закон не допустила бы и до обсуждения. Другие, как говорят, нравы, и страна, пережившая кровавый большевизм, помыслить пока не может, что она как-то проживет без расстрелов. Хотя поперек общего настроения, для урока, внести бы предложение о моратории на казнь в эту Думу. Кого-нибудь бы и прошибло, а не прошибет — может, подвигнет на размышления, на сомнения, на большее я бы и не рассчитывал.

Вот пока результат: с 1962 года по 1990 год казнено 21 тысяча человек. Это 730 казней в год. Тогда как с 1826 года по 1906 год, то есть при проклятом царизме, почти за сто лет казнено только 170 человек. То есть два человека в год! И хоть было сказано, цитирую: “Что за государство, которое не знает лучшего средства для защиты, чем палач, и которое провозглашает собственную жестокость общим законом?” Как думаете, кто сказал? Карл Маркс.

Вот если бы большевики следовали своему учителю! Да Бог с ним, с государством, я возвращаю вас к словам Сахарова, где заблуждения государства приравнены ко всем другим людям и как бы объединены с ним в единую цель — казнить людей. Поверьте, самое тяжкое в тех делах, которые нам приходилось читать на комиссии по помилованию, особенно в делах смертников, вовсе не их преступления (хотя они и

ужасны, не дают спать по ночам), а письма трудящихся, организованные по старому образцу, и даже письма не организованные и очень искренние, обозначенные иногда невинной детской рукой, но также требующие непереносимой казни. Недавно целая школа (сто с чем-то подписей) прислала письмо с просьбой немедленно убить, расстрелять одного из кровавых преступников, как они пишут. Ни тени сомнения не закралось в детские души об их праве решать при помощи убийства чью-то судьбу. Что школьники? Сами учителя пишут так, цитирую: “Несмотря на то, что сейчас и принято взывать к милосердию, мы требуем справедливого возмездия, то есть казни”. Возмездие — это у нас обязательно казнь. Обратите внимание, слово “милосердие” ими как бы заведомо осуждено. И далее они пишут: “Мы несем ответственность за нравственность человека. А что сказать детям по поводу “милосердия” к убийце, которому дают лишь пятнадцать лет?” Этого им очень мало.

А вот еще одно письмо. Пишет простой рабочий. “Вам надо претворять в жизнь не личные амбиции, а чаяния народа. А чаяния народа (обратите внимание, слова из цэковских бывших газет) таковы, что все сто процентов преступников должны быть расстреляны, тогда у этих вампиров отпала бы охота убивать наших людей”. Спрашивается, кто же убивает наших людей, кроме наших же людей? Дальше он пишет: “А пока надо очищать страну от жестокости только жестокостью. Я был зэком и знаю психологию убийц и грабителей. Вышка — это девяносто процентов успеха борьбы с нечистью, а ваши реплики по поводу пожизненного заключения — только убытки народу в стране”. Вы знаете, что у нас теперь есть пожизненное заключение, и вот вам критика этого нововведения.

Казни, конечно, — это не убытки. Цена жизни — это цена пули, как многие считают. Хотя американцы посчитали, чтобы казнить человека, нужно полтора миллиона, а содержать его пожизненно в тюрьме — только миллион долларов. Но мы не подсчитываем, у нас — цена пули. Кстати, он заканчивает так: “Я буду голосовать за Жириновского, если он предложит казнь”. И таких писем много, очень много. Я

полагаю, что кто-то из них вполне пойдет за Жириновским, который тоже предлагает (кто читал недавно “Известия” — знает) стрелять преступников без суда и следствия.

Апофеозом же народного самовыражения может послужить такое маленькое обращение к нам: “Обращаюсь к вам с просьбой. Находясь в здравом уме и ясной памяти, предлагаю себя в качестве исполнителя смертной казни. Поверьте, я не маньяк и очень люблю детей, у меня самого их пятеро. И ради них я готов исполнять эту необходимую работу”. И далее адрес для компетентных органов, если он понадобится в качестве палача. Между тем, даже палачи на Нюрнбергском процессе, который был справедливым процессом, скрывали свои имена и стыдились их. А вот мы не стыдимся и не прячемся, а просимся в палачи. Ну что ж, ради детей, ради их счастливого будущего именно такие исполнители в недавние сталинские времена делали необходимую работу, то есть стреляли в ни в чем не повинных граждан, и сегодня они на это готовы.

Извращенное народное сознание видит причины своих бед в тех, кто смеет призывать к милосердию. Так не странно же, что Бог поразил эту страну безумием и равнодушием к самим себе. Читая на Комиссии многочисленные уголовные дела, так называемую “бытовуху”, поражаешься изощренности, бессмысленности бесконечных убийств не закоренелыми уголовниками, не рецидивистами, а людьми самыми обыкновенными, теми же самыми рабочими, крестьянами, которые пишут эти письма.

Вот какая получается картина, если взять статистику. Опросы граждан в Санкт-Петербурге и в других городах России свидетельствуют о том, что подавляющее большинство (95 — 100 процентов опрошенных), по их собственному признанию, в течение жизни совершали уголовно наказуемые деяния, то есть преступления. Сто процентов населения! Это пишут социологи Академии наук Гилинский и Афанасьев. Кто же в такой криминальной стране должен просвещать, помогать людям осознавать пагубную жестокость, ту самую дикость, которая порождает дикость? Так, следователь из Иркутска по фамилии Китаев, кроме чувства удовлетворения, ничего не испытывает, послав на смерть сорок человек.

Цитирую: “Никаких кошмаров не снится. Я сплю спокойно”. Вот это и пугает, что он спит спокойно. Нормальный бы человек спокойно спать не мог, даже прочитав подобное. Но он в своих рассуждениях продолжает так: “Мне, как стороннику жестких мер, совсем не кажется, что расстрел десяти — пятнадцати тысяч подонков повредит обществу”. Это признание недавно на полной полосе напечатала популярнейшая центральная газета. И вдруг начинаешь думать: если не Сахаров, не Лихачев становятся глашатаями нравственности, а следователи и добровольные палачи, то чего же удивляться, что дикость такая породила другую дикость. И нет этому конца. Хотя вот вопрос: люди страдают от засилья организованных банд, от мафиозных структур, от наемных убийц. Выстрелы не смолкают на улицах Москвы. А казним мы все тех же “бытовушников”.

Ни одного мафиозника, ни одного “крестного отца” к нам на Комиссию не попало. Подчеркиваю, ни одного за два года! Таким образом, мы расстреливаем людей самого низшего не защищенного социального класса, которых мы споили, развратили за 70 лет и довели до скотского состояния, не способных защищать себя юридически. Мы внушаем испуганному обывателю, что борьба с преступностью ведется, вот только стрелять надо побольше и тогда будет хорошо. Но эта ложь опровергается новыми преступлениями, новыми разборками и заложниками, и нет этому конца.

Тут я хочу процитировать Пушкина, “Бориса Годунова”. Борис Годунов своему сыну, вступающему на престол, дает советы: “Я нынче должен был восстановить опалы, казни. Можешь их отменить. Тебя благословят. Со временем и понемножку снова затягивай державные бразды”. Неужели к этому придем? Это ведь прямой путь в ГУЛАГ, который хоть и не весь, но еще жив в современных лагерях и даже в брошенных. Там жизнь теплится, и проволока цела, и тюремщики готовы хоть сейчас снова приступить к работе, как и тот доморощенный наш палач. Так во что же верить? Как жить?

Прежде говаривали: “Не стоит село без праведников”. А Русь не стоит без Сахарова, без Солженицына, без Ростропо-

вича, без Лихачева и других. Пусть их немного и пусть они замордованы прежней системой, опорочены, оклеветаны, втоптаны в грязь или выкинуты за пределы Родины, но они тут, с нами, и оттого не все потеряно. И еще возможно верить, что мы не конченный народ, что мы возродимся не только хлебом и углем, но и душой, главным образом ею, которая нынче деформирована так, что глуха и слепа и погружена во мрак, но еще жива. Еще жива. (А п л о д и с м е н т ы .)

ФИЛАТОВ С.А.: Слово предоставляется Александру Николаевичу Яковлеву — председателю Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий.

ЯКОВЛЕВ А.Н.: Я считаю весьма уместным сегодня, когда мы чтим Андрея Дмитриевича, доложить демократической общественности о работе по реабилитации жертв политических репрессий, о работе, которую нельзя оторвать от великой личности двадцатого века.

Проклятие гражданской войны, разделившей в октябре 1917 года людей на “белых” и “красных”, на своих и чужих, с тех пор висит над Россией смрадом ненависти. Фронты гражданской войны сменила политика геноцида против народа, массовые репрессии, коллективизация, расказачивание, депортация целых народов, наказания через лагеря, психушки и лишения гражданства.

В годы перестройки появилось довольно большое количество документальных публикаций, касающихся тех или иных аспектов репрессивной политики. Однако подавляющее число таких публикаций до сих пор носит фрагментарный характер. Многие из них лишь будоражат общественное мнение, не оставляя глубокого следа в общественном сознании. Всеобъемлющей истории большевизма пока не создано.

Нередко, по моему мнению, в публикациях создаются иллюзии проникновения в глубину проблемы, однако всеохватной анатомии механизма человеконенавистничества еще нет. Главное — это причины феномена массового бесправия, которое составляло суть системы. Оно представлено не только

государственными институтами, но и нравами, глубоко укоренившимися в повседневности бытия. А это, может быть, главная трагедия наша.

Меня интересует, конечно, психология исполнителей, но больше всего — психология тех, кто кричал: “Собакам — собачья смерть!”

Думаю, что не до конца вскрыт механизм преследований и расправ, затрагивающих миллионы судеб людей. Между тем без этого невозможно воссоздать объективную и правдивую картину прошлого, да и понять настоящее.

В результате продолжает сохраняться концептуальный постулат отечественной истории, в свое время прочно загнавший общественную науку в тупик. Учитывая это, Комиссия при Президенте Российской Федерации по реабилитации начала свою работу с определения круга проблем, что позволило бы всесторонне раскрыть всю картину массовых репрессий, их масштабы, определить те социальные слои и мотивационные факторы, в том числе психологические, которые помогали этой кровавой мясорубке.

Долгое время анализ политических репрессий ограничивался репрессиями, проводившимися в тридцатые годы в отношении партийно-государственных функционеров. Выйти за эти временные и содержательные рамки в свое время не удалось.

Сегодня нам предоставлена возможность проанализировать положение всех социальных слоев и групп, начиная с октября 1917 года, включая судьбу членов Временного правительства. Тем самым мы вторглись в священную доселе зону идеологического обеспечения режима, охватывающего первые послеоктябрьские и двадцатые годы. Это достаточно четко показали результаты анализа событий в Кронштадте весной 1921 года, которые официальная пропаганда многие десятилетия именовала как кронштадтский антисоветский мятеж.

Извлеченные из архива документы о событиях в Кронштадте в феврале-марте двадцать первого года, ранее являвшиеся секретными, начисто опровергают версию о том, что практика кровавых репрессий, концлагерей, заложников, рас-

стрелов без суда и следствия, массовой депортации гражданского населения и иных преступлений установившегося в стране режима началась и расцвела только при Сталине. Это не так. Сталин явился лишь, выражаясь тем языком, верным продолжателем начатого дела, творчески развив методы террора, расширив его масштабы.

Указом Президента Российской Федерации восстановлена историческая справедливость в отношении кронштадтцев. Эти репрессии признаны незаконными и противоречащими основным гражданским правам человека.

С конца двадцатого года в ответ на недовольство деревни аграрной политикой большевиков последние повели настоящую войну с крестьянством. Она охватила Западную Сибирь, Тамбовскую, Воронежскую области, Среднее Поволжье, Дон и Кубань. В связи с этим Комиссия начала работу по изучению и анализу политических репрессий против участников крестьянских восстаний. А их было более ста. Нам было известно, может быть, о трех-четырех.

В годы тоталитарного режима жесточайшим репрессиям были подвергнуты целые народы. Один из первых ударов был нанесен по представителям якутского народа, что до сих пор исторической науке не очень-то было известно.

В сентябре двадцать седьмого года в обстановке нарастания общего недовольства политикой Сталина и его окружения в Якутской АССР возникло общественное движение “молодо-якутская национальная советская социалистическая партия середняцко-бедняцкого крестьянства конфедералистов”, которое выступило против произвола и насилия, чинимых партийными органами и ОГПУ. В его программе выдвигалось требование обеспечения реальных гарантий основных прав трудящихся, провозглашенных Конституцией, и ничего более. Советский строй не подвергался каким-либо сомнениям.

Выступления крестьянских масс были расценены как бандитские. В нарушение конституционных прав многие участники движения были репрессированы без суда и следствия, расстреляны или сосланы в концлагеря.

Но что интересно. Именно эта расправа затем была

использована в политической борьбе против правого оппортунизма и правого уклона.

Выводы Комиссии по этому поводу легли в основу Указа Президента России от 26 апреля 1994 г. “О восстановлении справедливости в отношении репрессированных в 20—30-е годы представителей якутского народа”.

Среди политических убийств XX века одним из самых загадочных до сих пор остается убийство Кирова. В ходе проводившихся ранее расследований не были получены ответы на многие вопросы, без которых невозможно установление истины.

В настоящее время продолжается работа по выявлению документов, ранее не привлекавшихся при проведении проверок обстоятельств убийства Кирова.

Всем нам хорошо известно, что любой вид насилия начинается и завершает духовное насилие.

С первых же дней советской власти режим повел массированное наступление на религию и церковь с целью их разгрома, непоколебимо придерживаясь религии атеизма. Силой навязывая эту религию, режим заодно выкорчевывал и другие духовные начала народа. Религия атеизма закончилась партийно-религиозным сектантством, что привело к краху этой политической линии, хотя в общем-то и неокончательному. Предстоит большая работа по изучению проблем расправы с духовенством, начиная с октября 1917 года и до начала восьмидесятых годов.

Еще один деликатный и серьезный вопрос. Это вопрос наших военнопленных. Мы сейчас занимаемся этим делом. Конечно, всего меньше года осталось до полувековой годовщины победы нашего народа в Великой Отечественной войне, однако до сих пор многие страницы этой войны остаются неизвестными. Одни хотят принизить подвиг народа, другие — опозлить его неправдой, третьи — изобразить дело так, что победа была победой генералов, а не тех миллионов солдат, ставших заграждениями из трупов.

Изучение документов и материалов, анализ событий показывают, что партийно-государственное руководство проводило в 1941—1956 годах политику массовых репрессий по

отношению к советским военнопленным и депортированным гражданам. Значительное их число (цифра до сих пор не ясна) было приговорено к смертной казни и лишению свободы, в том числе и в каторжных лагерях. Не менее двух миллионов человек в возрасте от 17 до 30 лет были привлечены к насильственному труду вначале в проверочных лагерях, а затем в составе рабочих батальонов НКО и с последующим закреплением в кадрах предприятий с тяжелыми условиями труда. Дислокация рабочих батальонов осуществлялась на предприятиях, как правило, в местностях с суровым климатом. Все без исключения репатрианты были поставлены на специальный учет в органах НКВД, КГБ, МВД, МГБ. Это влекло за собой ограничение прав и свобод в виде запрета на профессию, учебу, политическую деятельность, выбор места жительства для них и их родственников.

В настоящее время Комиссией завершено изучение архивных материалов и других материалов для анализа проблемы массовых репрессий репатриантов, бывших военнопленных и депортированных гражданских лиц. Выводы Комиссии в ближайшее время будут переданы Президенту.

Важной проблемой, требующей глубокого анализа, является политика послесталинского руководства в отношении политических репрессий в 1953—1956 годах, до XX съезда. Тем более что в последнее время нетрудно заметить идеализацию этого периода в плане определения характера и масштабов политических репрессий, имевших тогда место.

Наконец, одной из важнейших проблем, над которой сегодня работает Комиссия, является проблема анализа политических репрессий в отношении участников диссидентского движения конца пятидесятых — начала семидесятых годов и позже, репрессии в отношении тех, кто нашел в себе мужество в условиях жесточайшей политической и идеологической диктатуры последовательно отстаивать право на свободы и демократию.

В Комиссию, я должен доложить об этом, пишут, приходят на прием, звонят сотни граждан Российской Федерации, других государств, бывших республик СССР и не только республик бывшего СССР. За этими обращениями — сотни

тысяч судеб людей, попавших под молох политических репрессий. Это живые свидетели нашей трагической истории. Их судьбы позволяют более глубоко прочувствовать драматизм творившегося произвола и оценить его масштабы.

Но звонки и письма бывают разные. Сошлюсь на один пример. Недавно позвонила одна пожилая женщина с просьбой заменить ей справку о реабилитации. В чем дело? Она просила снять упоминание о том, что она осуждена за антисоветскую агитацию и пропаганду, оставить просто “осуждена”. Когда поинтересовались, почему она обращается с такой просьбой, она сказала: “А вдруг они вернуться?” Понимаете, человек, отбывший долгое время в лагерях, видимо, знает жизнь. Я думаю, нас это должно очень насторожить, больше, чем что-либо другое, это — инстинкт рядовых людей.

Я уверен, что наша конференция, посвященная Андрею Дмитриевичу, дает нравственно обоснованную возможность говорить об этом громко и бескомпромиссно. К сожалению, у нас еще много людей, которые хотят забыть о безвинной крови распятой страны, поскольку это не их кровь. Глубокая аморальность разного рода движений и партий с подобными взглядами, конечно, очевидна.

Не скрою, меня беспокоит консолидация реставраторских сил в наши дни. Путчей пока вроде бы не предвидится. Но тактика ползучего реваншизма проявляет себя со все большей очевидностью. С какой-то, я бы сказал, малообъяснимой растерянностью мы наблюдаем за тем, как постепенно создается искусственная атмосфера некоей вины не только отдельно взятых демократов и не столько их, сколько демократии как таковой. Более того, мне кажется, мы иногда вольно или невольно как бы поддакиваем, как бы помогаем этому процессу.

Частные факты и реальные трудности застилают нам глаза и мешают до конца стоять на позициях свободы и демократии, преодолевая старую-престарую болезнь интеллигентской рефлексии.

Мы постепенно как-то успокаиваемся. А вот Андрей Дмитриевич, я уверен, не потерял бы темперамента в борьбе за восстановление достоинства личности. Уверен также, что

Андрей Дмитриевич не стал бы бесконечно причитать, как мы это делаем сегодня, о потере идеалов прошлого. Я, например, не понимаю этих причитаний. Свобода и совесть человека — вот главные идеалы, к которым мы все-таки начали продвигаться. Остальное все производное. Только свобода и совесть могут создать любые другие действительные, а не искусственные идеалы. Без свободы нет достойной жизни человека. Именно так я понимаю и заветы Андрея Дмитриевича, и то, чему он нас учил. Спасибо за внимание. (А п л о д и с м е н т ы.)

ФИЛАТОВ С.А.: Слово предоставляется Абдулаху Касбулатовичу Микитаеву — председателю Комиссии по вопросам гражданства при Президенте Российской Федерации.

МИКИТАЕВ А.К.: Уважаемая Елена Георгиевна, коллеги и друзья! Думаю, сегодня мы с вами присутствуем на знаменательном событии. Это открытие архива Андрея Дмитриевича Сахарова. Думаю, как и многие сидящие в этом зале, что это событие послужит и продолжению, и развитию идей Андрея Дмитриевича, которого можно назвать не только великим гражданином России, но и гражданином Земли.

Вы, наверное, поняли, что сегодняшнюю конференцию организовали именно комиссии при Президенте, потому что эти комиссии как бы являются воплощением и продолжением идей Андрея Дмитриевича Сахарова, потому что нынешнему руководству Российской Федерации приходится разгребать пласты не только ближней истории, но и дальней — вековой истории.

Если взять вопросы, связанные с гражданством, вы, правозащитники, коллеги, друзья, ученики Андрея Дмитриевича Сахарова, лучше меня знаете, что гражданство использовалось как инструмент нарушения прав человека, инструмент уничтожения человека, которого лишали гражданства, хотя Международная декларация гласит, что гражданство — это неотъемлемое право личности.

Гражданство дано человеку от рождения как бы свыше, и никакой властитель не имеет права лишать человека того,

что ему даровано вместе с жизнью. К сожалению, как вы знаете, наша прошлая коммунистическая система использовала инструмент лишения гражданства. Вы знаете многих патриотов, которые, несмотря на то что были лишены гражданства, сохраняли свою приверженность России и носили в душе своей ее гражданство.

Поэтому мне приятно отметить, что в Законе о гражданстве Российской Федерации, в более поздних поправках к нему, в указах Президента, расширяющих, дополняющих действие этого Закона, решены многие вопросы, которые ставились Андреем Дмитриевичем. Например, как в Законе о гражданстве, так и в Конституции прямо записано положение Декларации прав и свобод человека и гражданина о том, что никто в Российской Федерации не может быть лишен гражданства или права изменить свое гражданство.

Вы также знаете, что положениями закона и принятыми постановлениями, указами Президента восстановлены в гражданстве практически все категории, абсолютное большинство лиц, которые начиная с двадцатых годов утратили гражданство не по своей воле. Есть специальная статья в Законе о гражданстве Российской Федерации, где сказано, что все те, кто не по своему свободному волеизъявлению были лишены гражданства, считаются восстановленными в российском гражданстве. Могу вам сообщить, что этим правом широко пользуются наши соотечественники в дальнем зарубежье, а сейчас начали пользоваться и в ближнем зарубежье.

Я хотел также отметить, что Закон о гражданстве Российской Федерации несет в себе все, наверное, основные демократические положения международных деклараций, международных документов, а также законодательств ведущих правовых государств, у которых больше успехов в этой области.

Вместе с тем, говоря о положительных, можно сказать, моментах в законодательстве, нельзя не отметить, что практические решения не всегда соответствуют им. Нам это хорошо известно в Комиссии, так как мы ежедневно получаем десятки писем как из областей, с территорий, из республик Российской Федерации, так и из-за рубежа о работе наших

консульских учреждений и посольств. Мы постоянно работаем, собирая на совещания консулов, а также руководителей ведомств, занимающихся этими вопросами, здесь, в Администрации Президента, с тем чтобы они точно исполняли положения закона, который дает право на восстановление и прием в гражданство.

Хочу также сказать о двойном гражданстве, которое и сегодня неоднозначно толкуется разными политиками. Наш Закон и Конституция допускают в Российской Федерации двойное гражданство. Российская Федерация признает двойное гражданство. Мы сейчас специально подготовили концепцию двойного гражданства, и в подготовке этих материалов участвовали многие здесь сидящие товарищи, ведущие юристы, общественники, правозащитники.

Мы пришли к выводу, что в нашем обществе и в ближнем зарубежье есть просто непонимание этого положения. Многие считают, что двойное гражданство — это двойная лояльность, что человек, если он имеет два гражданства, сразу лоялен и к одной, и к другой стране. Мы даже слышим такие высказывания от руководителей Казахстана, Украины, Узбекистана. Президент Узбекистана как-то сказал: “Как же мы можем допустить двойное гражданство? Сразу появится миллион людей, которые будут иметь лояльность и к другому государству”. Он имел в виду, что если ввести институт двойного гражданства, то русские или русскоговорящие — все примут этот статус. Но когда мы говорим о двойном гражданстве, мы не говорим, что это касается одних только русских. Мы распространяем это на всех, независимо от национальности. Допустим, в том же Узбекистане двойное гражданство также могут иметь и узбеки, и этим правом могут одинаково все пользоваться независимо от национальности. Но концепция наша как раз и помогает разобраться в этом вопросе. Мы, я думаю, после утверждения указом Президента доведем до сведения наших коллег в ближнем зарубежье, что двойное гражданство не несет никакой опасности для суверенитета этого государства, для становления государственности, как они часто говорят.

Дело в том, что лица, имеющие два или три гражданства,

лояльны только к государству, где они постоянно проживают. Это стало международной нормой, международной практикой. По данным, которыми располагает Комиссия, сегодня в мире не сотни тысяч, а, наверное, миллионы людей имеют два гражданства. Особенно яркий пример — Франция и Канада, там сотни тысяч людей имеют два гражданства. Но это не вызывает ни политических, ни экономических, ни военных, ни других проблем, потому что можно заключить соглашение между двумя государствами и все последствия двойного гражданства отрегулировать. Вы знаете, что нам удалось заключить первое такое соглашение о двойном гражданстве с Туркменистаном.

Наши соотечественники, проживающие в ближнем зарубежье, особенно желают, чтобы такое соглашение Россия имела практически со всеми государствами ближнего зарубежья, видя в этом инструмент моральной и психологической защиты, которым они при необходимости всегда могут воспользоваться.

Конечно, сегодня голос Андрея Дмитриевича был бы очень нужен, особенно в отношении тех нарушений прав человека, которые, к сожалению, имеют место в Эстонии и Латвии. Я не могу сегодня о них не сказать, потому что, нарушая договоры с Российской Федерацией, власти Эстонии и Латвии фактически сотни тысяч людей сделали лицами без гражданства, нарушив международные декларации и положения своих конституций. В их конституциях тоже сказано, что международные договоры имеют приоритет над внутренним законодательством. Тем не менее в нарушение договоров, а именно третьей статьи договоров между Российской Федерацией и Эстонией, Российской Федерацией и Латвией, сегодня в Эстонии почти 400 тысяч лиц без гражданства, в Латвии — 700—800 тысяч. Мы постоянно об этом напоминаем, обращаемся в международные организации, но тем не менее события развиваются таким образом, что мы вынуждены были подготовить специальную записку Президенту (Сергей Александрович, Вы получите ее на днях), где предлагаем (чтобы успокоить людей, соотечественников, которые стали лицами без гражданства из-за неправовых действий властей Эстонии),

чтобы Президент предупредил о необходимости выполнения соглашения, напомнил руководителям этих государств, что если в течение определенного времени права этих людей не будут восстановлены, то Россия обязана будет принять участие в их судьбах и дать им гражданство, конечно, с их согласия. Тогда Россия сможет их защищать как своих граждан.

Возвращаясь к архиву Андрея Дмитриевича Сахарова, открытию которого посвящена наша конференция, я убежден, что работа этого архива и связанных с ним людей послужит восстановлению нарушенных прав наших соотечественников в ближнем зарубежье. Со своей стороны вам, общественности Комиссия по вопросам гражданства при Президенте обещает, что мы будем прилагать все усилия, юридические, международные, для того, чтобы эти права были восстановлены. Спасибо за внимание. (А п л о д и с м е н т ы.)

ФИЛАТОВ С.А.: Слово предоставляется Сергею Вадимовичу Степашину — директору Федеральной службы контрразведки.

СТЕПАШИН С.В.: Глубокоуважаемая Елена Георгиевна, дорогие друзья! Елена Георгиевна, наверное, Вам лет этак пять-шесть назад трудно было даже представить, чтобы шеф бывшего КГБ, теперь Федеральной службы контрразведки, здесь вместе с Вами отмечал день рождения Вашего мужа (с м е х в з а л е).

ФИЛАТОВ С.А.: В страшном сне и не приснилось бы, наверное.

СТЕПАШИН С.В.: Но как бы там ни было, это действительно так. За последние пять-шесть лет многое изменилось в нашей стране. К сожалению, не так много изменилось в том, о чем сегодня говорили Сергей Александрович, Сергей Адамович, другие выступающие, о чем, естественно, скажет и Елена Георгиевна. Я имею в виду, прежде всего, конечно, права человека. И здесь проблем больше, чем решений, ибо, на мой взгляд, сегодня мы оказались в такой ситуации, когда действительно захлестывающая страну преступность и опасение

людей за свою жизнь толкают их на то, о чем говорил Александр Николаевич Яковлев, — они просят кары, они просят суровости законов, они просят железной руки, наконец, они просят диктатуры. И, наверное, те, кто сегодня здесь присутствуют, и те, кого здесь нет, но кто душой сегодня, в день рождения Андрея Дмитриевича, с нами, должны приложить все силы, чтобы в новой, демократической России была проведена четкая грань. Грань, при которой преступник должен быть наказан, и наказан сурово, но ни один человек не должен пострадать невинно. Любая, даже одна, невинная жертва потом очень больно сказывается на жизни, на душе, на совести, на морали общества и в целом — на нравственности государства. По-моему, это главное, что нам оставил Андрей Дмитриевич Сахаров, главное, чем мы сегодня должны, чувствуя его день рождения, жить в нашей стране.

Елена Георгиевна, не мне Вам рассказывать, насколько “внимательно” относилась к Вам, к Вашему мужу, к Вашей семье организация, которая до 1991 года называлась КГБ. Об этом много сказано, много писано, и не хотелось бы сегодня, в такой светлый день, к этому возвращаться. Приведу только одну цифру. Как нынешний руководитель Федеральной службы контрразведки, я за нее ручаюсь. На Андрея Дмитриевича Сахарова было заведено 250 томов дела. Это рекорд для книги Гиннеса. Ни на одного человека в бывшем Советском Союзе не заводилось такого количества томов.

ФИЛАТОВ С.А.: А по ГКЧП сколько было?

СТЕПАШИН С.В.: Это уже второй вопрос.

ФИЛАТОВ С.А.: Все-таки, для сопоставления. Меньше, наверное, да?

СТЕПАШИН С.В.: К сожалению, ушло главное из того, что в свое время, еще в Горьком и здесь, в Москве, было изъято у Андрея Дмитриевича, я имею в виду его воспоминания и дневники. Увы, они были уничтожены в 1990 году. Честно говоря, трудно сказать, чем руководствовался тогда председатель КГБ, давая команду уничтожить эти дневники великого

гуманиста. То ли это была месть уже ушедшему из жизни, но не сломленному человеку, я этого не исключаю, то ли боязнь, что его слова, его мысли, его душа дойдут до всех людей. Но как бы там ни было, несмотря на то, что эти дневники уничтожены, не ушла память, Елена Георгиевна, не ушло то, что помнят соратники Андрея Дмитриевича, то, что осталось и не было тогда уничтожено. Сегодня, в этот день, пополняя Ваш архив, Вы делаете святое дело потому, что мы все еще помним Андрея Дмитриевича живым, помним его слова, его стойкость. Для меня, например, было, наверное, самое сильное моральное потрясение, когда на Съезде народных депутатов Советского Союза он стоял один на трибуне против ревущей толпы депутатов, а сзади окрикивал этого пожилого умного человека Горбачев. Он так и остался один несломленным, этот действительно святой человек. Вы тоже делаете святое дело. И для того, чтобы пополнить архив Андрея Дмитриевича Сахарова, мы подготовили ряд документов, их никто еще не видел и не читал, они в этих двух папках. Елена Георгиевна, здесь, в этих папках, начиная с 1968 года, 62 донесения руководителей Комитета госбезопасности о Вас, о Вашем муже. Когда я все прочитал, если говорить откровенно, у меня было желание, чтобы никто этого больше не видел. Я боюсь, что Вам будет больно, когда Вы все это прочитаете. Но правда должна восторжествовать, ее должны знать, и в первую очередь Вы. Я думаю, как совестливый человек, Вы сами распорядитесь этими записками, это Ваше право. Кстати, последняя, о политической деятельности Сахарова, была написана 8 декабря 1989 года, вот она у меня в руках. Адресована товарищу Горбачеву Михаилу Сергеевичу. Подпись Крючкова. Это за шесть дней до смерти Андрея Дмитриевича. Я не буду сейчас заверять присутствующих в зале, что мы, наша служба, сделаем все, чтобы этого не повторилось, по крайней мере лично я постараюсь это сделать. Многое меняется и в том ведомстве, которое я сегодня возглавляю. И пусть эти две папки, которые я передаю Вам, в какой-то степени будут маленькой толикой покаяния этого ведомства, которое я сегодня возглавляю. Дай Бог Вам здоровья! (А п л о д и с м е н т ы.)

ФИЛАТОВ С.А.: Слово предоставляется Юрию Федоровичу Карякину, после этого — Елене Георгиевне Боннэр.

КАРЯКИН Ю.Ф.: История нам подарила знамение в лице двух людей: Андрея Дмитриевича Сахарова и Александра Исаевича Солженицына. Почему это знаменательно? Потому что в этих людях нашло наиболее точное, полное, благородное воплощение то, что названо (я, конечно, кавычу эти слова) “западничеством” и “славянофильством”. Подчеркну, однако (я сам слышал это от него), что Александр Исаевич — против такого обозначения себя, “хоть и с десятью кавычками”.

Я попытался проследить их отношения (отчасти и неофициальные) в эволюции. Поражает не только благородство этих отношений, но и их “умягчение”, вместо таранного самоубийственного столкновения, которое наблюдаем мы сегодня в нашей политической, идейной борьбе.

Эти люди воплотили в себе любимую мысль Достоевского: “У русских две родины — и Россия, и Европа”. Россия — двукорнева. Россия — двукрыла. Россия может взрасти, возродиться только из двух корней, может взлететь только на двух крыльях.

Отношения между А.Д. Сахаровым и А.И. Солженицыным, по-моему, точнее, лучше всего могут быть определены таким музыкальным термином, как *контрапункт*. Ведь контрапункт в музыке — это такое столкновение разных противоположных мелодий, “тем”, которое не убивает, а проясняет, высвечивает эти мелодии, эти темы, а в итоге — совершенно новая гармония.

Вот эта постоянная тенденция улучшения их отношений, красота полемики, ее благородство — и является для нас, может быть, последним предупреждением, последним шансом на спасение. (А п л о д и с м е н т ы.)

ФИЛАТОВ С.А.: А сейчас слово предоставляется Елене Георгиевне Боннэр.

БОННЭР Е.Г.: Я присутствую на этой научно-практической конференции и думаю о том, что любая такая конференция

должна дать какой-либо практический результат. Лично для себя я его получила как будто бы. Передали документы из Президентского архива и от КГБ — органа, который всегда уделял мне внимание. Как ремарка: я была бы довольна, если бы мне и сейчас уделяли внимание. Может быть, тогда у меня не украли бы машину и я была бы более способна к передвижению.

Действительно, то, что сказал Степашин, и то, что сегодня происходит, несколько лет тому назад могло бы показаться святочным рассказом. Но раз мы живем в реальном мире, то мне бы хотелось, чтобы наши реалии доходили до последней точки в слове, которое называется истина. У Андрея Дмитриевича под стеклом всегда было уравнение, написанное его рукой: “Корень из истины равняется любовь”, а потом еще раз: “Истина”. И подчеркнuto.

Мне кажется, значение Андрея Дмитриевича для нашей страны вовсе не в том, что он пророк, как любят говорить. Я не люблю этого слова. Все это так сложно. Никого нельзя никуда призывать. Никем нельзя командовать. Каждый сам выбирает себе свой путь. Каждый сам может или не может покаяться. К покаянию тоже нельзя призывать. Это все слишком интимно. Но я думаю: в чем была роль Андрея Дмитриевича для нашего поколения? Глядя на одного из сидящих в этом зале гостей, я вспомнила об этом. Он однажды задал мне вопрос: а чему я научилась у Андрея Дмитриевича? Сам Андрей Дмитриевич в воспоминаниях много пишет о том, чему он научился. Считаю, что я научилась интеллектуальной смелости додумывать до конца и говорить до конца. У Андрея Дмитриевича это было главным, у Андрея Дмитриевича — ученого, у Андрея Дмитриевича — человека дома, в быту, в обществе и у Андрея Дмитриевича — общественного деятеля. Додумывать и говорить до конца — может быть, это сродни тому, что “истину царям с улыбкой говорить”. Улыбка не всегда получалась, потому что жизнь была трагична.

Вот сегодня очень любимый мною Сергей Александрович говорит, что Сахарова не выгнали из Академии благодаря советским ученым. Да не поэтому. Когда кто-то заметил об

этом на президиуме, то Александров сказал: “Нам это не спускалось”. А если бы спустили сверху, то и выгнали бы, давайте говорить до конца. Им не спустили. Почему — не знаю. Может быть, потому, что президент Национальной академии в США и Международное сообщество ученых нам бы этого не простили.

Далее Сергей Александрович говорит: “Все русские люди одинаково достойны прав”. Я не буду перечислять права человека. Но Сахаров никогда не говорил — русские, татарские или еще какие-нибудь. Он говорил о советском народе. Все советские люди были советскими, от этого никуда не уйти. Или все люди. И я бы очень хотела, чтобы наш Президент говорил точно так же, и вся наша Администрация говорила бы точно так, и наш МИД, защищающий права тех или иных людей за пределами нашего государства — России. Мы не можем защищать русских, мы не можем защищать русскоязычных. Мы должны защищать в принципе права человека, иначе мы сразу одной фразой разрушаем все великое содержание идеологии защиты прав человека.

Теперь я буду говорить о Сахарове. Мы открыли архив. Я думаю, что политической, культурной, идеологической, самой элитарной публике России не надо говорить о ценности истории для народа и о ценности архива. И сегодня это праздник. Но прочли ли мы и прочли ли вы Сахарова? В архиве стенд “Сахаров в стране” (мы не написали — в России, потому что это был СССР) и “Сахаров в мире”. Издания Сахарова с 1968 года до сегодняшнего дня. В 1968 году в стране — одна статья в сборнике “Будущее науки”, потом провал. С 1988 года робкие-робкие попытки печатать Сахарова. И после смерти Сахарова — поток, это была выгодная тема. В мире в эти же годы Сахаров много издавался, на всех языках и, что, мне кажется, самое важное, широко обсуждался. Количество публикаций вокруг книг Сахарова и вокруг “Воспоминаний” просто неисчислимо. А в России нет. В СССР еще в 1991 году в журнале “Знамя” опубликованы “Воспоминания”. И об этой, может быть одной из самых великих, автобиографии в нашей современности была только одна статья в том же журнале “Знамя”.

Мы не прочли Сахарова. Поэтому, с одной стороны, на словах глубокое уважение. Мы говорим о влиянии его идей и все прочее. А с другой стороны, пустота. И за таким поведением интеллектуальной элиты просматривается частичный ответ, почему МГУ аплодирует Жириновскому.

Это наша вина, а не вина якобы тех, кому сейчас трудно живется. Это наша вина.

Теперь о научно-практической конференции. Я хочу, чтобы был практический выход. Андрей Дмитриевич говорил, что в любом научном и научно-практическом коллективе — а Арзамас-16, где делалось оружие, был научно-практический коллектив — всегда должен быть злой гений, то есть должен быть человек, который берет на себя смелость говорить наперекор ученому совету, заведующему лабораторией или руководителю объекта, и не из каприза, а ради того, чтобы в любом случае были проверены все варианты. Очень легко говорить руководителям “да”, “да” и аплодировать — очень трудно наоборот. Так вот, мне кажется (при том что, и вы это знаете, я голосовала за Президента и сегодня, если бы мне надо было повторить, вновь голосовала бы за нашего Президента), одной из величайших ошибок Президента и нас с вами является то, что рядом с ним нет злого гения. Это отсутствие злого гения ведет к тому, что мы все время с нашим Президентом, хотя по-человечески я ему абсолютно доверяю, попадаем впросак.

Возьмите: “Президент — гарант Конституции”, все хорошо. Хорошая или плохая у нас Конституция, но она есть. Давайте раз в жизни доживем до срока перевыборов безо всяких чрезвычайностей. У нас есть в Конституции назначенный срок, и надо нам до него дожить. Но Президент подписывает закон, о котором сам говорит, что этот закон содержит нарушения Конституции, и можно после этой запятой, которую требует “но”, говорить любые слова: “в целях согласия, в целях того, в целях чего угодно” — никакого “но” быть не должно. Не Дума виновата в нарушениях Конституции, а Президент, который в целях согласия нарушил Конституцию.

Я думаю, если еще не поздно, этот закон Президенту надо отозвать. Это очень трудно — понимать свои ошибки. Я могу

назвать еще такие же примеры, но у нас сегодня предстоит концерт, и мне бы не хотелось. Но единственное, что я скажу, — о нашей общей политической биографии. У нас политическая биография началась только в 1988 году, до этого у нашей страны ее не было, мы жили, как говорил великий классик Ленин, в идиотизме деревенской жизни в плане политики. Так вот, в нашей политической жизни сменилось некое количество президентских советников и президентских советов. Почетная должность, красиво звучит, все хорошо. Но что, кто советует нашему Президенту?

Мне бы хотелось, чтобы еще один реальный выход был — не только злой гений для Президента. Но и Иванов, Петров и Сидоров — Советники Президента. Кто советовал то-то и то-то, чтобы мы с вами каждую неделю это слышали. Этим способом мы раз и навсегда снимем очень трудные и очень вредные разговоры, бытующие в обществе, особенно в его элитарных слоях, о том, что Президент — он хороший (барин вообще хорош), но вот его окружение...

Давайте будем знать, что делает окружение, что оно говорит. И что принимает Президент и что не принимает. Это — необходимое условие демократичности ближайших двух лет, при которых нам надо прожить и дожить до следующих выборов.

Я очень благодарна Администрации Президента и лично Президенту за то, что сегодня, в такой день, Андрею Дмитриевичу уделено большое и, мне приятно произнести это слово, — **государственное** внимание. Но еще больше я, конечно, благодарна нашим друзьям, которые были и в трудные, и в теперешние как будто светлые годы с нами, с делами, мыслями, книгами и архивом Сахарова. Спасибо. (А п л о д и с м е н т ы.)

ФИЛАТОВ С.А.: Большое спасибо, Елена Георгиевна.

Последнее выступление Елены Георгиевны как бы дает возможность не делать никаких особых заключений. Но я хотел бы поблагодарить тех, кто сегодня выступал, всех, кто участвовал в этой конференции, и хочу отметить (видимо, каждый из вас это отметил), что все выступления включали в

себя огромное богатство материала, над которым надо нам всем серьезно работать.

Вы знаете, мы приняли Конституцию, которая открывается словами, что Российская Федерация — это демократическое федеративное правовое государство. Все эти положения как бы вписаны на будущее, потому что мы стоим в начале пути по каждой из этих позиций. И каждая из этих позиций прежде всего, конечно, включает вопросы прав, свобод человека и гражданина, то, чему посвящена в большей своей части эта Конституция.

То, что мы сегодня услышали, конечно, горько. Но с другой стороны, очень приятно, и есть определенная гордость, потому что мы продвинулись на этом пути.

Выступление Сергея Вадимовича особенно ярко показало расстояние от того времени до сегодняшнего хотя бы в этом примере. Надо работать, надо многое сделать.

Я думаю, что итогом сегодняшней научно-практической конференции будет то, что мы должны общественность, наших людей познакомить с тем, о чем шел здесь разговор.

Я думаю, что будет очень правильно, если мы издадим брошюру со всеми выступлениями, которые здесь прозвучали.
(А п л о д и с м е н т ы.)

Я хочу пожелать нам всего доброго на нашем пути, но пути, судя по всему, трудном. Конечно, жаль, что у нас не видно такого лидера, каким был всегда Андрей Дмитриевич. Но та опасность, которая есть, которая сегодня существует, требует от всех нас твердости и сплоченности, потому что с тем мракобесием, которое наступает, просто так не справиться. И если мы пошли на согласие, то мы должны демократическими, правовыми методами не допустить этого.

Я хочу вам напомнить сентябрьско-октябрьские события и первый так называемый закон, который подписал Руцкой, первый, запомните, он содержал в себе положение о введении смертной казни. Вот цена тем реакционным силам, которые хотят и стремятся взять реванш и прийти к власти.

Поэтому то, что несколько ослаблено демократическое движение в последнее время, должно быть нам хорошим

предметным уроком, мы должны консолидироваться, усилить свою деятельность, свою работу, в том числе и с учетом тех ярких примеров, о которых говорилось (что делается в МГУ и в других местах). Идет активная работа, активное оболванивание людей, в том числе с использованием трудностей нашего экономического положения. Экономика еще будет хромать, еще будет трудно год-два, через какое-то время мы только-только пойдем на наращивание всего. Судя по оценкам экономистов, процесс идет в общем по заданной, естественной и объективной программе, хотя есть ошибки, что-то можно подтолкнуть, что-то можно ускорить. Но, в принципе, это долговременный процесс, в котором всем нужно просто не растеряться и твердо осуществлять намеченное.

Хочу всем пожелать успехов на пути преобразований. И да сопутствует нам в этом образ Андрея Дмитриевича, его дела, его мысли, его лицо, которое всегда перед нами (сегодня в “Московском комсомольце” напечатана фотография: стоит весь зал Дворца съездов, а он один сидит, в позе маленького человека, но во всем своем величии).

Поэтому нам всем с вами мужества, успехов и добра!
Всего доброго. Спасибо. (А п л о д и с м е н т ы.)

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
ПОСВЯЩЕННАЯ 73-Й ГОДОВЩИНЕ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А.Д. САХАРОВА
21 мая 1994 года**

Редактор *В.А. Терехина*
Художественный редактор *Э.П. Батаева*
Технический редактор *А.А. Арсланова*
Корректор *Т.В. Веселова*

Лицензия ЛР № 010152 от 26.12.91 г.
Сдано в набор 26.05.94. Подписано в печать 14.06.94.
Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура "Таймс".
Печать офсетная. Объем: усл.печ. л. 3,87; уч.-изд. л. 2,25.
Тираж 5000 экз. Заказ № 2732

Издательство "Юридическая литература"
Администрации Президента Российской Федерации.
121069, Москва, ул. Качалова, д. 14.

Типография, Ветошный пер., 2.

